

Максим Тирский.

Предпочитать ли кинический образ жизни?

1 Я хочу тебе по примеру мудрою лидийца[351] рассказать сказку; но в этой сказке должен говорить я, а не лев, или орёл, или — ещё более бессловесные, чем они, — деревья. Да, здесь надо говорить мне.

Некогда был Зевс, были небо и земля; обитателями неба были боги, а питомцев земли — людей — тогда ещё на свете не было. И вот призывает Зевс Прометея и приказывает ему населить землю простыми животными, по своему образу мыслей более всего близкими богам; а тело их должно быть нежным, прямым и соразмерным; у них должен быть приветливый взгляд, ловкие руки и твёрдая поступь.

И вот повинуется Прометей Зевсу, создаёт людей и населяет ими землю. Когда они обрели бытие, то не тяжкой оказалась для них жизнь; ведь пищу им щедро доставляла земля; были у них луга пышные, горы кудрявые и плодов достаток — всё, что земля охотно доставляет, пока ещё её не тревожат пахари.

Нимфы предоставляли им чистые источники и прозрачные реки, всякую влагу в изобилии и неиссякаемые родники. Жар солнца разливался по их телам умеренно, вливая в них бодрость, а ветерки, веявшиенад рекой в летний зной, навевали им прохладу, освежая тело. Спорить им было не о чем, так как они жили в полном довольстве, получая всё без всякого труда.

Мне кажется, что и поэты ближе всего стоят к этой нашей сказке, рассказывая в сокровенной форме о жизни, какой она была во времена Крона, царя богов, — о жизни без войн, оружия, без охраны, о жизни мирной, без распрей, здоровой и не знающей нужды. И Гесиод, как кажется, именно эту жизнь называет золотым веком[352], поступая подобно нашей сказке.

2 Но оставим сказку, и пусть из неё возникнет разумное слово: сравним теперь один образ жизни с другим, век, бывший прежде, с последующим — назвать ли его «железным» или как-нибудь иначе, — когда люди стали делить землю между собой; они разрезали её, обнеся оградами и стенами, и каждый захватил себе какую-нибудь часть; свои тела они стали облекать в мягкие одежды, ноги обматывать кожами и обвивать золотом то шею, то голову, то пальцы, надевая на себя красивые блестящие оковы; они строили дома, снабжая их засовами, воротами и преддверьями; они начали мучить эту землю, отыскивая в ней

металлы, разрывая и копая её. Даже море они не оставляли в покое, они построили ему на беду суда — для войны, для перевозок, путешествий и торговли. Не удержали они своих рук и от воздуха, — даже ему они причинили вред, вылавливая стаи птиц при помощи птичьего клея, силков и других разнообразных хитростей.

Они не жалели приручённых животных за их слабость, не отступали перед дикими зверями из страха, но набивали свой желудок при помощи кровопролития, убийства и всяческого осквернения. Постоянно ища новую пищу для своих страстей, с презрением отвергая всё прежнее, они гонялись за наслаждениями и терпели бедствия, стремясь к богатству; они всегда считали то, чем владели, хуже того, чего им не доставало, а то, что приобрели, ценили меньше того, что надеялись захватить. Они боялись нужды, а насытиться никак не могли; они страшились смерти, но о жизни не заботились; боялись болезней, но не воздерживались от всего, что порождает болезни, подозревали одних, но сами строили козни против большинства; страшные для безоружных, трусливые перед вооружёнными, они ненавидели тиранию, а сами жаждали стать тиранами; они порицали всё позорное, но от позорных дел не воздерживались; перед удачей они преклонялись, но доблестью не восхищались; о несчастьях они сокрушались, но пороков не избегали; при успехе становились дерзки, при неудачах нерешительны; мёртвых они считали счастливыми, но цепко держались за жизнь; ненавидели жизнь, но боялись смерти; затевали войны, а соблюдать мир не умели; в рабстве покорные, при свободе наглые, при народном правлении необузданные, при тирании робкие, они страстно желали иметь детей, но об уже рождённых нисколько не заботились; они молились богам, ожидая от них помощи, и презирали их, не веря в их кару; боясь богов наказующих, они в то же время приносили ложные клятвы, как будто богов вовсе не существует.

3 Итак, если такие распри и такой разлад вторглись в этот, второй, образ жизни, то какому же из них мы должны присудить победную награду? Какой из этих двух образов жизни нам следует назвать естественным, простым и вполне свободным и какой — неестественным, стеснённым, достойным сожаления и преисполненным несчастий?

Так вот, пусть муж от каждого из двух веков явится на суд нашей речи, и она спросит обоих, и прежде всего представителя первого образа жизни, того, кто наг, обездолен и неискусен, — гражданина и обитателя всего мира[353] — спросит, нарисовав ему образ жизни другого, хочет ли он сохранить за собой свою прежнюю пищу и свободу или, обретя наслаждения при втором образе жизни, получить вместе с ними и всевозможные горести. После него пусть выступит другой, пусть ему представит она образ жизни и свободу его предшественника, пусть спросит, выберет ли он свой прежний образ жизни или захочет переменить его и как бы переселиться в жизнь другого — в жизнь мирную, свободную, не знающую нужды и беспечальную. Кто из двух станет перебежчиком? Кто добровольно променяет свой образ жизни на образ жизни другого?

4 Какой человек столь неразумен, кто так любит зло, кто столь злополучен, что из любви к ничтожным и эфемерным наслаждениям, сомнительным благам и обманчивым надеждам, из любви к непрочным счастливым случайностям не захочет отправиться в путь и переселиться в жилище истинного блаженства? Особенно если он знает, что он должен благодаря этому избавиться от многочисленных зол, которые крепко слились со вторым образом жизни;

разве не осудит он этот образ жизни, полный скорби, жалкий и несчастный?

Я, со своей стороны, пожалуй, сравню теперь оба эти образа жизни: этот, будто бы столь великолепный и разнообразный, я сравню с жестокой тюрьмой, в мрачной глубине которой томятся несчастные люди; ноги их закованы в крепкое железо, вокруг шеи у них тяжёлая цепь, а на обеих руках висят ужасные оковы; они грязны, находятся в постоянной тревоге и стенаниях. Но со временем и от ежедневной привычки они даже там находят себе радости: иногда напиваются допьяна в своей тюрьме, орут песни, набивают желудок, предаются любви. Но не наполняет это спокойствием никого из них: всего они страшатся, ни во что не верят и помнят постоянно о своих несчастьях. Так, в каждой тюрьме можно услышать одновременно и пени и песни, и стенания и пеаны.

Далее, я сравню другой образ жизни с человеком здоровым, живущим светло и чисто: его ноги и руки не связаны, он свободно поворачивает шею, поднимает взоры к солнцу, видит звёзды, различает день и ночь, спокойно ожидает прихода времён года, чувствует дыхание ветра и наслаждается чистым и вольным воздухом; его я сравню с человеком, который обходится без наслаждений, а вместе с тем и без оков, кто не пьянствует, не предаётся любовным страстям, не набивает свой желудок, не стонет, не поёт хвалебных гимнов, не распевает песен, не плачет и не наедается до ожирения, но лишь настолько, чтобы жить с лёгким и необременённым желудком.

Какой из этих двух образов жизни надо признать счастливым? Какую жизнь счесть достойной сожаления? Какую избрать? Неужели ту жизнь, неразлучную с тюрьмой и ненадёжную? Неужели мы дадим обольстить себя горьким и жалким удовольствиям, в которых

Вместе смешались победные крики и смертные стоны?[354]

Нет, ты не хочешь этого, моя несчастная душа.

5 Но оставь все эти образные сравнения вместе со сказками и обратись к человеку, жившему не во времена Крона, но в самой гуще нашего железного века, человеку, освобожденному Зевсом и Аполлоном[355].

Он не был ни уроженцем Аттики, ни дорийцем, он не был вскормлен Солоном и не был воспитан Ликургом[356] (ведь ни страны, ни законы не порождают доблестей), но происходил он из Синопы на Понте.

Спросив совета у Аполлона[357], он сбросил с себя все узы окружающего мира и освободился от его оков; свободный, он стал обходить землю, уподобясь птице, обладающей разумом, не боясь тиранов, не подчиняясь насилию закона, не обременяя себя общественными делами, не тревожась о воспитании детей, не сковывая себя браком, не занимаясь обработкой земли, не обременяя себя военной службой и не промышляя морской торговлей; напротив, он осмеивал всё это — людей и их занятия, подобно тому как мы смеёмся над малыми детьми всякий раз, как видим их с увлечением играющими в бабки, когда они бьют и получают удары, отнимают и в свою очередь отдают. Он жил жизнью царя, не знающего страха, и свободного, он не проводил времени зимой среди вавилонян и не

обременял собою мидян в летний зной[358], но вместе с временами года переселялся из Аттики на Истм, а с Истма снова в Аттику.

Его царскими чертогами были храмы, гимнасии и священные рощи, его богатством, не вызывающим никакой зависти, надёжным и неотъемлемым, была вся земля и её плоды, были рождённые землёй источники, которые изливали для него питьё щедрее, чем весь Лесбос и Хиос[359].

Он любил чистый воздух и свыкся с ним так же хорошо, как львы, и не старался избежать того, что временами посылает Зевс, и не прибегал ни к каким ухищрениям, чтобы создавать для себя тепло зимой, а летом освежать себя прохладой. Был он поистине настолько привычен ко всему на свете, что при таком образе жизни оставался здоровым и сильным и дожил до глубокой старости, он никогда не нуждался в лекарствах, ни в железе, ни в огне[360], ни в Хироне, ни в Асклепии, ни в Асклепиадах[361], ни в предсказаниях прорицателей, ни в очистительных обрядах жрецов, ни в пении магов-заклинателей.

Когда Эллада была охвачена войной и все нападали на всех, В поле сходились недавно, стремимые бурным Ареем[362],

лишь он один призывал к миру, он, невооружённый среди вооружённых, мирный среди сражающихся; его сторонились незаконные тираны и доносчики, ибо он обличал дурных людей, обличал не словесными ухищрениями, докучливо порицая их, но делами, сопоставляя всякий раз дела их и свои. Обличая, он всегда достигал цели и был миролюбивым. Поэтому против Диогена не выступил ни Мелет какой-нибудь, ни Аристофан, ни Анит, ни Ликон[363].

6 Итак, как же мог Диоген не отдать предпочтения такому образу жизни, который он добровольно избрал себе, который ему указал Аполлон и восхвалил Зевс и которому удивляются все, кто имеет разум?

А чем, кроме непосредственной пользы дела, может руководствоваться тот, что не по собственному выбору приобрёл что бы то ни было?

Например, спроси женатого человека: «Для чего ты женился?» Он скажет: «Для того, чтобы иметь детей». Спроси воспитывающего детей, ради чего он их родил, он скажет: «Страстно желая наследника». Спроси воина, он скажет: «Хочу богатой добычи». Спроси земледельца, он ответит: «Хочу собрать плоды». Спроси у ростовщика, он скажет: «Жажду богатства». Спроси занимающегося общественными делами, он скажет: «Жажду славы».

Однако все предметы этих желаний в большинстве случаев оказываются обманчивыми и превращаются в свою противоположность: удача — дело случая, а не результат мудрости или искусства. Ведь всякий, кто поставит перед собой одну из этих целей, испытывает в жизни несчастье и потерпит заслуженные бедствия, так как он не может сослаться на то, что не знал, каковы те блага, которые он избрал по своей воле.

Кого же из всех этих людей можно назвать свободным? Народного вождя? Но ведь он раб многих господ! Судебного оратора? Но он раб суровых судей! Тирана? Но он раб

необузданных наслаждений! Полководца? Но он раб неверного случая! Мореплавателя? Но он раб ненадёжного ремесла! Философа? Но какого именно? Я, конечно, восхваляю Сократа, но я же слышу, как он говорит: «Я подчиняюсь законам, добровольно иду в тюрьму и охотно принимаю яд». «О Сократ, понимаешь ли ты, что говоришь? Неужели охотно или только желая мужественно противостать своей неизбежной судьбе?» — «Я повинуюсь закону». — «Какому закону? Ведь если это закон Зевса, я прославляю такого законодателя; если же по законам Солона, то чем Солон был лучше Сократа?»

Но пусть ответит мне Платон во имя философии, неужели её не поколебало ничто: ни Дион, вынужденный бежать, ни грозный Дионисий[364], ни Сицилийское или Ионийское море, вздымающие свои волны?

Упомяну, пожалуй, и о Ксенофонте[365] и брошу взгляд на его жизнь, заполненную странствиями, не верным счастьем, вынужденной военной службой командованием войсками против воли и почётным изгнанием.

И вот все эти злоключения, утверждаю я, проходят мимо того образа жизни, которым Диоген прославился более, чем Ликург и Солон, Артаксеркс и Александр и стал свободнее даже самого Сократа: ведь он не был ни судим, ни заключён в тюрьму и прославился не своими страданиями.

Версия #1

Зверобой создал 14 ноября 2025 11:38:36

Зверобой обновил 14 ноября 2025 11:40:05